

Спускаться в долину нужно было по узкой каменной лестнице без перил и любой мало-мальской опоры, да еще и ступени её заросли скользкой ползучей травкой. Нелегко было преодолеть этот крутой спуск, ведущий в узкую горную расщелину.

Но она спустилась, и выйдя из-за уступа скалы, очутилась на безлюдной парковой аллее, показавшейся ей ещё более пустынной и голой от отсутствия кустарников или хотя бы сваявшейся на солнцепёке травы, но зато густо обсаженной уходящими в перспективу чахлыми пыльными пальмами. Земля под ногами была сбита в камень, припорошенный глубокой, почти по щиколотку, пепельной пылью.

Она готова была уже разочароваться: проделанный ею рискованный путь явно не соответствовал полученному результату.

Но тут слетелись попугаи.

Их было так много, что она поначалу даже слегка испугалась и отступила. Не тут-то было. Попугаи и попугайчики, самых разных размеров и удивительных расцветок, окружили её радужным порхающим кольцом. Они летали вокруг неё, ходили у её ног по земле, подпрыгивали и словно бы (она не сразу даже это сообразила) ластились к ней, просились на руки!

И всё же, даже поражённая увиденным, она ни на минуту не забывала, что ей обязательно сегодня нужно успеть на вечерний самолёт, чтобы вернуться к своей семье, которую она неожиданно даже для себя оставила, никого при этом не предупредив, в соседнем городе этой чужой и знойной страны. Уж не ради ли этих попугаев...

Да возжелай она погладить и приласкать каждого, ей не хватило бы времени, отведённого ею самой для этой прогулки!

Больше всех преуспел пушистый и круглый, словно шарик, зелёный попугайчик. Он по своейски разместился в её ладонях, заставив её при этом слегка сжать пальцы, от боязни выронить это мягчайшее ласковое чудо, сладко щекочущее её кожу своими перышками.

Боже мой! — подумалось ей. — Как же они, должно быть, одиноки! Им так не хватает ласки! Они готовы в каждом случайном прохожем видеть свою родню, словно брошенные детишки из детского дома. Оттого, наверное, в эту долину и едут люди со всего света, чтобы приласкать малых сих. А то и самому приласкаться...

И эта знаменитая местная жара, вернее, нестерпимый зной, высушивший землю до состояния пороха, никому не помеха. Это просто сегодня так всё совпало, что никого тут нет, но Серафима слышала от кого-то, что порою здесь не протолкнуться от желающих.

Желающих чего — только теперь она и поняла.

Эта долина странных попугаев, словно бы очеловеченных желанием прикоснуться, прильнуть, припорхнуть, доверчиво прижаться к постороннему человеку, тем самым как бы приняв его в свою родню, была совсем небольшой, неширокой и вполне обозримой для глаз.

Куда бы она ни посмотрела, повсюду в горячем белом воздухе роились и порхали попугаи. Крупные и большие, сбиваясь в стаю, красочными живыми гирляндами свисали с неба. А те, что поменьше, мельтешили и болтались у неё перед носом, как цветные китайские фонарики или размалёванные во все цвета радуги воздушные змеи.

Порой они опускались у её ног и словно бы выстраивались в очередь, ожидая, что она вот-вот освободится и успеет погладить алый или лиловый, зеленый или оранжевый дрожащий от нетерпения хохолок.

Нетрудно было заметить, что очередь они, в отличие от людей, соблюдали, пропуская вперед самых маленьких или, может ей это только показалось, потрёпанных и несчастных.

Нужно было спешить, но она вместо этого присела на выщербленную ветрами каменную скамью, и только тут почувствовала, как устала.

От невероятной жары и зудящего, как стая таёжного гнуса, изнуряющего зноя её пробил внезапный озноб. Она бы с удовольствием откинулась на спинку скамьи, чтобы хоть немного отдохнуть и расслабиться, но похоже кто-то тщательно продумал и организовал пространство и в самой долине, и вокруг неё: спинки у скамьи не было. Со всей очевидностью посетителям предлагалось держаться за раскаленный воздух и при спуске в долину, и при прогулке по ней.

Она попробовала устроиться поудобнее на скамейке, до блеска отполированной тысячами предыдущих любителей раздавать свои нежные ласки несметным стаям непуганых попугаев, и чуть не опрокинулась назад от неожиданности.

Как она могла сразу их не заметить? От жары, что ли, глаза заплыли или в голове помутилось от зноя...

На краешке скамейки, утопив клюв под крылом и словно бы свернувшись клубочком, лежал (или сидел?) совершенно жёлтый попугай. Похожий на облачное золотое марево или миражное видение, этот «милый, милый, большой дуралей», мог пострадать от её неловкости. Она попросту могла бы на него сесть, не заметив. И хорошо, что вовремя отстранилась.

Да и жив ли он? Так неподвижен...

Она уже протянула к нему руку, чтобы дотронуться, но тут это жёлтое облако зноя само зашевелилось и, откинув в сторону одно крыло, распустило веером блестящие перья и словно бы потянулось со сна. И тогда Серафима увидела под его крылом еще один жаркий оранжевый шарик: попугайчика-младенца.

Ох! — умилилась она. И тут же, словно бы ей подсказали, догадалась, что это отец, стерегущий, оберегающий от напастей крохотного младенца-сына. У этой семейной идиллии было явное мужское «лицо». Почему она так подумала, она не смогла бы объяснить, наверное, никому. Догадалась и всё тут.

Серафима прекрасно знала, что такими страстными отцами, себе во вред, бывают только антарктические пингвины, остальные птицы-отцы не так чадолюбивы, хоть и добывают для птенцов корм наравне с самками. Но защищать своего младенца от холода или жары и любой другой грозящей им напасти ценой собственного благополучия или свободы передвижения могут только пингвины.

Иногда и люди. Но только иногда...

Раскалённое добела и оттого почти невидимое солнце было уже готово, как она вдруг ощутила, погасить свою жаровню, этот раскопчегаренный небесным сталеваром плавильный цех. Стало легче дышать, и это были первые признаки скорого вечера, преддверие заката. Она по опыту знала, как быстро темнеет на юге. Следовало спешить.

С явной неохотой поднялась она со скамьи, не забыв при этом ласково потрепать желтого папу-попугая по большущему, просто-таки королевскому хохолку (на младенца она не посягнула из боязни навредить), и пошла себе восвояси.

Скоро замаячил и выход из долины. Пошли какие-то невзрачные домишки, почти лачужки и бесконечные южные лавчонки со всякой всячиной, от оплавившихся на солнце фруктовых пирамид до дешевого сувенирного барахлишка, почти как в Дели или Джайпуре.

Стали попадаться редкие прохожие храбрецы, не утрапившиеся драконьего дыхания неслыханного зноя. Все это были, конечно же, местные жители. И потому Серафима глазам своим не поверила, увидев среди них молодую женщину европейского вида с двумя детьми (одна дочь была на руках!), и еще больше удивилась, признав в ней знакомую по Москве хозяйку модной художественной галереи.

Катя Озерова тоже заметила Серафиму, они остановились, и было заметно, что неожиданная встреча в столь экзотических местах если кого и удивила, то только одну Серафиму.

Невозмутимо, как нечто обычное, Катя сообщила, что они всегда отдыхают всей семьей именно в этом месте. Две Катиных девочки, пяти и двух лет, известные их общим знакомым своей неуправляемой, почти болезненной гиперреактивностью, вели себя на удивление тихо и спокойно. Пожалуй, что стоило сюда с ними ездить, если это место так на них влияет.

«Но тут же скука, наверное, смертная! Ничего интересного нет, я уверена, кроме этой долины!» — горячо воскликнула Серафима, с неожиданной для себя самой бестактностью.

«Ну, что ты, — спокойно возразила Катя, — посмотри, какой прекрасный город. И очень древний...».

То ли жара и вправду стала спадать, потому что бесцветный раскалённый воздух, прямо на глазах, стал приобретать объём и цвет. И в голографическом воздушном пространстве, под лучами вечернего ультрафиолета, вдруг словно бы сам собою нарисовался на фоне неба невидимый до этого город.

Дома с высокими крепостными стенами, с узкими, как щели или бойницы, окнами, были сложены из тёмных, покрытых влажным зелёным мхом (в этих-то широтах!), каменных глыб. Глубокие, как горные теснины, улицы-ущелья стекали с окружающих гор в Долину Попугаев, словно каменные водопады, сами по себе, без человеческой воли, нагромоздившие эти многоэтажные жилища.

На самолет она, конечно же, опоздала. Чувство вины перед покинутой неизвестно ради чего семьей троекратно возросло, душа болезненно сжалась и засаднила. Серафима уже пожалела, что не спросила Катю, где та остановилась.

Не успела она подумать о том, как и где теперь скоротать жаркую южную ночь, в чужом-то городе и в чужой стране, как в дверь её номера в пятизвёздочном отеле Пальм-бич громко и настойчиво постучала бестолковая горничная.

Серафима спросонья едва поняла, что опять забыла с вечера вывесить за дверь пластиковую табличку с просьбой на пяти европейских языках: «Не беспокоить!». И неохотно, но окончательно проснулась.

Уже много лет подряд, в январе, что бы ни случилось, она старалась улететь на неделю или две именно сюда, в этот отель не просто на берегу океана, а, как ей хотелось думать, на краю света.

Облюбовав однажды и навсегда южный берег маленького атлантического острова в ста километрах от Африки, она берегла в себе эту находку, как интимную тайну или редкое сокровище, и никому о нём не говорила, боясь, что если не украдут, то обязательно сглазят.

После завтрака Серафима вышла на бесконечную набережную, возвышавшуюся над пляжным береговым пространством ровно настолько, насколько высоки были скальные берега этого острова-вулкана, дрейфующего в Атлантике уже много тысяч лет. Во время прогулки она любила остановиться и смотреть сверху на океан, простёртый на юг до самой Антарктиды.

Там, где-то далеко на севере, лежали снега или моросил противный ледяной дождь, а здесь роскошные бугенвиллии развесили на оградах свои разноцветные бумажные фонарики, расплескались в воздухе розовые и голубые олеандры, и прочие неопознанные нарядной курортной публикой растительные экзоты.

Порхали шоколадно-кремовые бабочки, размером с маленькую птичку. И большими шумными стайками перелетали с места на место изумрудные и алые попугайчики, похожие на шелковый театральный веер.

Облокотившись о парапет смотровой площадки, Серафима не сразу заметила остановившуюся рядом с ней молодую длинноволосую девицу в шортах, почти полностью обнаживших её крепкие ягодицы, и в коротенькой майке, открывавшей для всеобщего обозрения розовый выпуклый пуп. Девица закурила и неожиданно визгливым голосом стала подзывать к себе не то приуставшего, не то заупрямившегося ребёнка лет пяти, остановившегося неподалёку.

Девочка тоже была в шортиках и (зеркальное отражение мамы) в короткой, открывающей плоский животик, маечке. На голове у неё была повязанная узлом на затылке косыночка, для защиты от неминуемого дневного солнцепёка.

Одну руку ребёнка оттягивало большое синее ведёрко с лопаточками и формами для песчаных куличиков на океанском пляже, куда они, по всей вероятности, и направлялись, а в другой она держала крупную лысую куклу, на которой, кажется, помешалась вся детвора планеты, из серии «беби-бёрн». То есть, кукла-новорождённый, кукла-младенец.

Серафиме как-то пришлось по случаю дня рождения дарить эту новомодную нелепицу страшно избалованной пятилетней дочке своей московской приятельницы Кати Озеровой. С тех пор она знала и помнила, что кукла эта и писает, и ест, и плачет настоящими слезами, и руки ребёнку оттягивает своим неигрушечным весом.

Ребёнок со всей очевидностью дулся на маму и никак не хотел подходить. Но при этом обиженное или расстроенное чем-то дитя прижимало к себе кукольного младенца с такой недетской силой и нежностью, что и ёжику стало бы понятно, как это пластмассовое чудовище преданно и горячо любимо.

Это была любовь — на уровне касанья, на уровне нежной заботы и ласки, как там, в Долине Попугаев.

Чтобы не разрушить очередной визгливой репликой голозадой девицы, призывавшей чадо к послушанию, нечаянно обретенное ею ощущение гармонического равновесия от лицемерия крохотного, но уже умеющего любить существа, Серафима, фальшиво улыбнувшись, промолвила:

«Какая славная девочка! И так любит своего младенца. Наверное, ты будешь хорошей мамой!»

«Это не девочка! — без обиды, и даже как-то весело проверещала девица. — Это — Арктур! Он просто забыл надеть панамку, и я ему повязала на голову свой платочек, чтобы не напекло!»

«Но ведь этот кукольный младенец, смотрите, он уже написал ему на шортики...»

«А он это любит! Он хочет быть хорошим папой!»

И они ушли, оставив смущённой Серафиме смутное ощущение чего-то волнующего и знакомого. Где-то она уже видела этот распушившийся жёлтый хохолок, непокорно выбивавшийся из-под нелепой повязки. Она машинально взяла в руки глянцевою рекламку, небрежно брошенную девицей на каменный парапет, и прочитала сообщение, сочно и красочно пропечатанное на пяти европейских языках, включая русский:

«Только хорошие новости для наших гостей! В кратере вулкана, в самом глубоком из его ущелий открылся новый голографический аттракцион — Долина Попугаев!»

Всё, сказала себе Серафима, приехали.